

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По видимому правительство царевны не обѣщало быть долговѣчнымъ. Возникши вдругъ въ вихрѣ мятежа, оно, казалось, должно было также и исчезнуть. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ оно держалось? На какую партію, на какую часть народа оно опиралось? Аристократія, какъ мы уже видѣли, была почти вся предана Петру, и хотя она понесла жестокия потери, однакожь могла еще быть опасна и положительною своею силою, и чувствомъ законности, которое было на ея сторонѣ, и наконецъ именемъ вѣщаннаго царя, которое было на ея знамени. Войско, московскіе стрѣльцы, по крайней мѣрѣ, и многочисленныя секты старообрядцевъ, недавно еще усердные союзники царевны, стали, какъ это намъ также извѣстно, открытыми врагами ея. Наконецъ память о правахъ мѣстничества была такъ еще свѣжа и корни ея въ русской почвѣ такъ глубоки (1), что видъ Голицына, стоявшаго въ первыхъ рядахъ царевнина правленія, долженъ былъ не располагать къ нему весьма многихъ.

Кто же слѣдовательно оставался на сторонѣ новаго правительства? Въ чемъ состояла его сила? Вопросы эти, весьма естественно приходящіе въ голову человѣку, освоившемуся съ нынѣшнимъ состояніемъ политики, разрѣшатся безъ большаго затрудненія, если мы вникнемъ глубже въ духъ и обычаи старин-

(1) Во время правленія Софій князь Козловскій, будучи посаженъ за царскимъ столомъ ниже Нарышкина, не хотѣлъ являться во дворецъ, былъ привезенъ и посаженъ силою (Сибир. Сборникъ).

ной Россіи. Давно уже прошло для нея то время, когда народъ имѣлъ хотя нѣкоторое участіе въ правленіи. Вѣчевыя собранія, городѣ, приглашавшіе къ себѣ или изгонявшіе князей, давно перестали существовать; самодержавіе сильно укоренилось къ концу XVII столѣтія въ русской почвѣ, и народъ привыкъ смотрѣть на судьбы московскаго престола, какъ на непосредственныя дѣйствія Провидѣнія.

Тѣ, которые видятъ въ *думь царской* нѣчто подобное палатамъ представительныхъ монархій, силу, поставленную для уравновѣшенія исполнительной власти, весьма ошибаются (2). Если это бывало, то только во время смутъ государственныхъ и слабости правителей, при Шуйскомъ, напримѣръ. Насмѣшливый тонъ, которымъ говоритъ Кошкинъ объ этой думѣ въ царствованіе Алексія (3), уже доказываетъ ея незначительность при управленіи государя дѣятельнаго и твердаго. Не даромъ разныя области Россіи назывались *отчинами царскими*, а первѣйшіе вельможи *холопями* его: царь былъ полный и единственный господинъ въ своемъ царствѣ. При дворѣ его всѣ должности, отъ дворецкаго до истопника включительно, были исправляемы людьми болѣе или менѣе родовитыми (4); важнѣйшіе государственные сановники кланялись ему въ землю. Произвола его достаточно было, чтобъ послѣдняго между его подданными сдѣлать первымъ, бѣднѣйшаго сдѣлать богатѣйшимъ; за исключеніемъ земель, укрѣпленныхъ за нѣкоторыми лицами, городами, монастырями и проч. (5), все остальное находилось въ непосредственномъ распоряженіи правительства, которое по своему усмотрѣнію раздавало помѣстья и потомъ могло обращать ихъ въ наследственныя вотчины. Но если царь былъ вполнѣ неограниченный господинъ въ своемъ государствѣ, онъ былъ еще болѣе патріархъ своихъ подданныхъ; *сытнѣйшій дворъ* ежедневно выдавалъ до 100 ведръ вина, а пива и меду отъ 400 одъ 50 (6); до 3000 *яствъ* выдавалось ежедневно изъ кормоваго двора, а въ праздничные дни число этихъ подачъ увеличивалось въ четыре, пять и болѣе разъ. На конюшняхъ

(2) Юридич. Запис. Рѣдкина 1842 года, Т. 2. Устройство Граж. Суд.

(3) Кошкинъ 19.

(4) Тамъ же 26.

(5) Москвит. 1848 года №5 (стат. г. Бѣляева, о поземельномъ владѣніи).

(6) Кошкинъ 60.

царскихъ содержалось до 40,000 лошадей, которыя служили не только для особъ придворнаго штата, но выдавались неимущимъ ратникамъ, драгунамъ и возили *снарядъ* (артиллерію) (7). Семейные праздники царя были праздниками общественными: въ эти дни богатымъ и бѣднымъ раздавались *именинные калачи* (8), разсылались милостыни въ тюрьмы, а съ другой стороны подданные приносили государю подарки, которыми главнѣйше и наполнялся *казенный дворъ* (9). Извѣстно, что какой-то купецъ, вѣроятно незначительный, потому что имя его не упоминается, поднесъ младенцу Петру въ день его рожденія саблю, которая сдѣлалась любимой игрушкою будущаго героя Полтавы.

Таковы были патріархальныя отношенія царей русскихъ къ своимъ подданнымъ, отношенія равно удивляющія людей XIX вѣка и неограниченностію произвола и простодушіемъ. Все привязывало Русскихъ къ своимъ государямъ: и эти, такъ сказать, семейственныя узы, вслѣдствіе которыхъ царь былъ какъ бы главою великой русской семьи, и неограниченное право его надъ имуществомъ и самою жизнію подданныхъ, и наконецъ твердая вѣра въ участіе небеснаго Промысла въ судьбахъ московскаго престола.

При такомъ моральномъ состояніи народа, при этой полной централизаціи всякой власти въ особъ государя—царевна Софія могла смѣло выдерживать неудовольствія и нерасположеніе нѣсколькихъ, хотя бы и знатныхъ фамилій, московскихъ стрѣльцовъ и поражаемыхъ церковью раскольниковъ. Важнѣйшимъ дѣломъ для нея было тѣсно и неразрывно связать судьбу свою съ судьбою престола вѣнчаныхъ государей. Такъ она и сдѣлала. Когда замыслы Хованскаго стали угрожать Москвѣ и правительству новымъ переворотомъ, она умѣла представить ихъ дѣломъ опаснымъ для всей царской фамиліи; вмѣстѣ съ обоими царями удалилась она въ Троицкую Лавру; ихъ именемъ повелѣла собираться рати, и какъ ни чудно было видѣть двѣ главы подъ шапкою Мономаха, а двадцати-пятилѣтнюю дѣвицу у кормила правленія, народъ выслаалъ безпрекословно лучшихъ сыновъ своихъ для защиты столь необыкновенно организованнаго правительства.

(7) Кошихинъ 66.

(8) Тамъ же, 25.

(9) Тамъ же, 57.

Слѣдовательно положеніе царевны не было еще такъ невѣрно и безнадежно, какъ это можно бы думать по нынѣшнимъ политическимъ понятіямъ, и ей не было необходимо поддерживать ту или другую партію, чтобъ опираясь на одну, господствовать надъ другою.

Первымъ дѣломъ новаго правительства, по прекращеніи вышеописаннаго мятежа, естественно было желаніе предупредить подобныя попытки на будущее время. Поэтому съ самой казни Хованскаго началась реакція противъ стрѣльцовъ. Мы видѣли, какъ быстро перешли эти мятежники отъ заносчиваго буйства къ покорности и униженію. Не смотря на торжественно обѣщанное имъ прощеніе, они не считали еще себя вполне безопасными. Но правительство въ самомъ дѣлѣ не имѣло въ виду дальнѣйшаго ихъ преслѣдованія: это значило бы уже не наказывать, а мстить; оно желало только привести ихъ въ невозможность нарушать общественное спокойствіе.

Поэтому у стрѣльцовъ отнято было право носить оружіе иначе, какъ на службѣ; разрушенъ былъ безчестный столбъ (10), воздвигнутый на Красной площади въ воспоминаніе майскихъ неистовствъ, и наконецъ стрѣльцамъ возвращено было его прежнее названіе, вмѣсто пышнаго наименованія надворной, то есть придворной пѣхоты (11).

Всѣ эти распоряженія, произведенныя въ присутствіи сильной рати, расположенной внутри и въ окрестностяхъ Москвы, при всеобщемъ одобреніи московскаго населенія, по крайней мѣрѣ здравомыслящаго большинства, — должны были смирить стрѣльцовъ; но на долго ли? Останутся ли они спокойны, когда будетъ распущена земская рать? сохранится ли на будущее время эта покорность со стороны многочисленной, вооруженной, организованной, недовольной массы? Этого нельзя было ожидать, и правительство должно было противъ этого принять рѣшительныя мѣры.

Съ этою цѣлію изданъ былъ въ декабрѣ того же 1682 года указъ (12), которымъ опредѣлялось: изъ девятнадцати полковъ, бывшихъ въ столицѣ, оставить только семь, по выбору, надеж-

(10) Акты Археогр. Эксп. Т. IV, № 270.

(11) Полн. Собр. Зак. Т. II, № 975.

(12) Акт. Арх. Эк. Т. IV, № 280.

нѣйшихъ, остальныхъ же послать на украинскую, польскую и шведскую границы, *на службу*. А дабы и Москва не оставалась безъ войска, то изъ числа стрѣльцовъ, размѣщенныхъ на пограничныхъ пунктахъ, предписывалось выбрать, подъ отвѣтственности полковыхъ командировъ, воеводъ и проч., пять полковъ, которые и направить къ Москвѣ. Весьма многіе изъ полковыхъ командировъ были смѣнены, замѣнены новыми и управленіе стрѣлецкимъ приказомъ было поручено Шакловитому, человѣку безусловно преданному царевнѣ.

Все это должно было жестоко поразить стрѣльцовъ; они были люди семейные, имѣли хозяйства, дѣла, связи торговля и промышленныя; оставить Москву было для нихъ большою разстройкою, не говоря уже о множествѣ различныхъ преимуществъ жизни въ столицѣ. Но многочисленная рать царская стояла еще въ виду Кремля, сопротивленіе было невозможно, и, съ горькимъ чувствомъ безсилія, въ назначенный день, угрюмыми, молчаливыми толпами выступили они изъ заставъ московскихъ и направились въ разные концы обширнаго русскаго царства: кто на сѣверъ, кто на югъ, кто на западъ, среди глубокихъ снѣговъ и рождественскихъ морозовъ.

Въ сущности однакожь эта мѣра была справедлива, не говоря уже о томъ, что она была необходима: за чтò въ самомъ дѣлѣ одни полки несли тяжелую пограничную службу, а другіе проживали въ Москвѣ, обязанные только занимать нѣсколько карауловъ въ Кремлѣ и у воротъ? Подобная привилегія не была опредѣлена, сколько намъ извѣстно, ни какимъ постановленіемъ, а учредилась сама собою, обычаемъ, можетъ быть для избѣжанія издержекъ при передвиженіи. Справедливость допускала, слѣдовательно, а общественная польза требовала уравниенія службы во всемъ стрѣльцкомъ войскѣ.

Впрочемъ правительство озаботилось о дальнѣйшей судьбѣ высылаемыхъ стрѣльцовъ; имъ были выданы деньги на подъемъ и первоначальное обзаведеніе, и семейства ихъ вывезены на мѣста новаго жительства.

Указъ, опредѣлявшій всѣ эти мѣры, замѣчательнъ по изложенію, рѣзко отличающему его отъ указовъ предшествующихъ царствованій ясностію, точностію, и необыкновенною предусмотрительностію мельчайшихъ подробностей. Такъ напримѣръ, каждой

колоннѣ, идущей какъ въ Москву, такъ и изъ нея, назначены маршруты, которые, равно какъ и время выступленія каждой изъ нихъ, рассчитаны такъ, чтобъ колонны эти не могли встрѣтиться и слѣдовательно стѣснить одна другую въ квартирваніи и продовольствіи. Эта предусмотрительность была распространена даже на перевозку семействъ стрѣлецкихъ, которымъ, для избежанія встрѣчъ и столкновеній, тоже опредѣлены маршруты. Мѣра и способъ взиманія для переселенцевъ корма съ обывателей, надзоръ, который долженствовали имѣть за стрѣльцами мѣстныя власти, порядокъ, въ которомъ они должны были размѣщаться, отстроиваться, все было обозначено съ чрезвычайною отчетливостію и опредѣлительностію.

Въ настоящее время трудно представить себѣ безпорядки, существовавшіе по всѣмъ частямъ управленія въ эпоху, о которой говоримъ; въ стрѣлецкомъ приказѣ, напримѣръ, не было вѣдомостей и списковъ большей части полковъ (13); отъ этого происходило, что многіе служилые люди отлучались, бродяжничали, занимались промыслами, не думая о службѣ; другіе напротивъ, бѣглые холопы, разночинцы, люди задолжавшіе, преслѣдуемые правосудіемъ, приставали къ стрѣльцамъ, поселялись въ ихъ слободахъ, и не неся ихъ службы, находили возможность пользоваться ихъ привилегіями. Нельзя было позволить, чтобъ стрѣлецкіе полки превращались въ притоны бродягъ и преступниковъ; тѣмъ же указомъ отъ 30 декабря 1682 года повелѣвалось произвести переписи наличнымъ стрѣльцамъ, также какъ ихъ семействамъ; списки людямъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, вести постоянно; стариковъ же, выслужившихъ срокъ, отчислить отъ службы, а малолѣтковъ, по мѣрѣ достиженія законнаго возраста, зачислять на дѣйствительную службу; остальныхъ наконецъ затѣмъ бродягъ, людей, произвольно приставшихъ къ стрѣльцамъ, разобравъ какого они званія и изъ какихъ мѣстъ, разсылать по принадлежности.

Такая мѣра, распространенная на будущее время, обращенная въ постоянный законъ, должна была произвести радикальное улуч-

(13) Акт. Арх. Экс. Т. IV, тамъ же § 19 и 20... «выписки учинить... а нынѣ изъ нихъ выписки учинить не по чему, для того что тѣхъ полковъ росписей, oprичъ Борисова полку Головина, въ стрѣлецкомъ приказѣ нѣтъ.»

шеніе въ администраціи войска и въ самомъ его духѣ. Нельзя не отдать справедливости правительству, такъ скоро и ясно уразумѣвшему источникъ зла и такъ рѣшительно приступившему къ его искорененію.

Но въ такомъ неустроенномъ обществѣ, каково было русское въ XVII вѣкѣ, преслѣдованіе одного зла часто вело къ открытію многихъ другихъ, спокойно гнѣздившихся въ неизвѣстности; проникать все дальше и дальше въ этотъ лабиринтъ безпорядковъ и искоренять ихъ требовало большой энергіи со стороны правительства. Правительство слабое не рѣшилось бы на такой подвигъ. Перепись стрѣлецкая показала, что бродягъ всякаго рода было въ Россіи весьма много, что они проживали не только въ отдаленныхъ областяхъ, но и въ самой Москвѣ, не только на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, но и въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Частія вторженія иностранцевъ, утѣсненія, малолюдность страны, дремучіе лѣса, пространныя степи, развили наклонность къ бродяжничеству, къ переселенію съ мѣста на мѣсто, и вкоренили эту наклонность въ народные нравы (14); она играла, безъ сомнѣнія, важную роль въ образованіи козачества, явленія единственнаго въ исторіи народовъ, и конечно этому желанію простора, этой любви къ бродячей жизни, разгульной и свободной, обязаны мы многими и блистательными и несчастными страницами нашей исторіи: завоеваніемъ Сибири, первыми столкновеніями съ Китаемъ, подвигами Хабарова на Амурѣ, разбоями Стеньки Разина, Хлопки и можетъ быть многочисленностію и успѣхами самозванцевъ (15). Наконецъ бродяжничество, не говоря о томъ, что оно льстило духу народному, представляло многія выгоды какъ бѣднымъ людямъ, которые избавлялись отъ кабалы, такъ и богатымъ, которые за ночлегъ, за кусокъ хлѣба, добывали руки для работы своихъ земель. Но не вдаваясь въ предположенія, мы можемъ, на основаніи официальныхъ распоряженій царя Алексѣя и его преемника, направленныхъ противъ бродягъ (16), заключить, что зло это было старинное, вкоренившееся. Итакъ пра-

(14) Пишущему эти строки случалось самому видѣть стариковъ въ Кавказской области, которые переселились туда изъ внутреннихъ губерній, потому что тамъ *просторнѣе*.—Какъ же уживаются въ своей тѣснотѣ Германцы?

(15) Обзоръ Событ. Рус. Истор.; Современникъ 1848 г. IV, 2, 78.

(16) Полн. Собр. Зак. Т. I и II.

вительство, вооружась противъ него, должно было ожидать упорнаго сопротивленія, а разграбленіе холопьяго Приказа во время стрѣлецкаго мятежа, истребивъ многія крѣпостныя записи (17), должно было увеличить его затрудненія.

Тѣмъ не менѣе оно на это отважилось. Отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ потребованы были объясненія, сколько за кѣмъ изъ нихъ числилось душъ по послѣдней переписи (1678 года) и, въ случаѣ несогласія съ оною, почему произошло это увеличеніе или уменьшеніе (18). Принимая въ расчетъ, что много документовъ погибло во время майскихъ смуть, владѣльцамъ было дано два года срока для отысканія и предъявленія своихъ правъ (19). Въмѣстѣ съ тѣмъ строго запрещено было кому бы то ни было въ городѣ или въ своемъ имѣніи держать людей безъ видовъ (20), а немедленно представлять ихъ мѣстнымъ властямъ; воеводамъ же и намѣстникамъ вмѣнено въ обязанность всѣми силами содѣйствовать отыскиванію бродягъ и разсылать ихъ по принадлежности. Наконецъ, присоединяя къ повелѣніямъ самое дѣйствіе, правительство разослало во всѣ концы *сыщиковъ* для поимки безпаспортныхъ (21).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти крутыя и рѣшительныя мѣры произвели много частныхъ злоупотребленій, что сами сыщики, равно какъ воеводы и другіе начальныя люди, преслѣдуя виновныхъ, утѣсняли и правыхъ; тѣмъ не менѣе всякій здравый умъ долженъ согласиться, что мысль правительства была вполне благонамѣренна и согласна съ выгодами народа.

Распространяя далѣе эту мѣру, увидѣли, что самыя права людей вольныхъ, или объявлявшихъ себя такими, слѣдуетъ подвергнуть строгому контролю, ибо кромѣ многихъ подложныхъ документовъ, оказалось, что холопи, пользуясь послѣдними смутами, часто вынуждали своихъ господъ угрозами давать себѣ отпускныя (22). Оказалось также, что множество людей всякаго званія проживало въ разныхъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ, не имѣя на то никакого положительнаго права. Но поднимать такіе

(17) Говоримъ: *многія*, потому что часть ихъ должна была сохраниться въ помѣстномъ и земскомъ приказахъ.

(18) Полн. Собр. Зак. т. II, № 973.

(19) Тамъ же, № 1073. Впрочемъ это было въ послѣдствіи еще отсрочено на два года № 1246.

(20) Тамъ же № 972, 985, 1230 и мн. др.

(21) Тамъ же т. II, № 997 и др.

(22) Тамъ же, № 992.

стародавніе споры значило принимать на себя безконечный и бесполезный, можетъ быть даже опасный трудъ ; поэтому въ послѣдствіи рѣшено было, —покрайней мѣрѣ касательно дворцовыхъ имѣній, —людей, прожившихъ не менѣе двадцати лѣтъ на одномъ мѣстѣ, считать *крѣпкими* тому мѣсту (23).

Углубляясь все далѣе и далѣе въ сложный механизмъ государственнаго управленія, правительство открыло новый источникъ злоупотребленій, и съ прежнею рѣшимостію приступило къ его отвращенію. Поземельная собственность была въ величайшемъ безпорядкѣ въ Россіи. Въ западной Европѣ, гдѣ она проистекала изъ феодальнаго права, владѣніе передавалось отъ отца къ сыну въ видѣ маіората, не измѣняя ни названія, ни границъ, и такимъ образомъ могло переходить въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Въ Россіи было совсѣмъ другое: у насъ при каждомъ переходѣ отъ отца къ дѣтямъ имѣніе дѣлилось, дробилось и измѣнялось какъ въ названіи, такъ и въ границахъ своихъ. Это относится собственно къ *вотчинамъ*, то есть къ владѣніямъ наследственнымъ; но въ Россіи были еще *помѣстья*, то есть земли принадлежавшія казнѣ, даваемыя частнымъ людямъ въ пожизненное владѣніе, съ обязанностию нести государственную службу. Помѣстья эти, по смерти владѣльца, переходили отчасти къ дѣтямъ его, въ видѣ награды; отчасти же возвращались въ казну, для передачи опять другому служилому человѣку. При повышеніи его въ чинъ, за какую нибудь заслугу, *окладъ*, то есть пожизненное владѣніе, увеличивался; при перемѣщеніи помѣщика изъ новгородскихъ напримѣръ дворянъ въ московскіе, слѣдовала новая дача, новое движеніе поземельной собственности. Понятно, какая страшная путаница должна была при этомъ происходить, особенно если принять во вниманіе, что границы и межи обозначались (какъ это видно изъ старинныхъ жалованныхъ грамотъ) ручьями, кѣторыя могли перемѣнить теченіе или высохнуть, рощами, кѣторыя могли быть вырублены или сгорѣть, пашнями, кѣторыя могли обратиться въ выгоны. Поэтому земскій судный и помѣстный приказъ постоянно бывали завалены жалобами, тяжбами, изъ которыхъ многія невозможно было рѣшить. Кромѣ страшныхъ безпорядковъ, кѣторыя такое положеніе дѣлъ представляло, оно должно было питать и огромныя злоупотребленія: при этой неопредѣленности

(23) Пол. Соб. Зак. № 1147.

границъ сильный человекъ могъ очень легко притѣснить слабого; самая казна бывала обманываема: случалось, что помѣщикъ, получившій уже одинъ окладъ, просилъ и получалъ его во второй разъ.

Все это требовало исправленія. Еще прежнія правительства дѣлали нѣкоторыя попытки къ размежеванію земель и учрежденію порядка въ поземельной собственности (24), но неискusstво межевщиковъ и сопротивленіе владѣльцевъ не дали развиваться этому начинанію, которое было предпринято безъ общаго плана, и дѣлалось по частямъ, мѣстами. Правительство царевны принялось за межеваніе и дѣятельнѣе, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ началѣ 1683 года, во всѣ концы государства были посланы межевщики (25), которыхъ снабдили подробною инструкціею; они должны были, соображаясь съ жалованными грамотами, кунчими записями и другими документами, обозначать границы владѣній какъ частныхъ лицъ между собою, такъ и съ имѣніями монастырей и казенными (26).

Эта мѣра естественно встрѣтила самое сильное сопротивленіе: въ обществѣ неустроенномъ и непросвѣщенномъ всякое злоупотребленіе, — особенно такое, гдѣ больше всего теряетъ казна, — выгодно для многихъ частныхъ лицъ. Поэтому опредѣлены строгія взысканія за сопротивленіе межевщикамъ (27), а для предупрежденія подобнаго сопротивленія, симъ послѣднимъ приданы команды вооруженныхъ людей (28).

Не можемъ съ опредѣлительностію сказать, до какой степени успѣхъ увѣнчалъ эти начинанія; но находя въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ правленія царевны подтвержденія, распространенія какъ этой, такъ и другихъ вышеприведенныхъ мѣръ, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что эта замѣчательная женщина дѣйствовала по крайней мѣрѣ послѣдовательно, твердо, неуклонно, по однажды принятымъ ею началамъ: достоинство весьма великое. Въ семь лѣтъ трудно привести къ концу размежеваніе земель какъ част-

(24) Объ успѣхахъ межеванія и пр. въ актѣ С. Петербургск. университета 1847 года.

(25) П. С. З. т. II, № 1005.

(26) Тамъ же, №№ 1013, 1074, 1111, 1178, 1301 и др.

(27) Тамъ же, № 1192.

(28) Тамъ же, № 1201.

ныхъ, такъ церковныхъ и казенныхъ, разобрать права владѣльцевъ на эти земли, права и взаимныя отношенія гражданъ различныхъ классовъ между собою, истребить бродяжничество, это зло, проникшее въ самый духъ народный; но царевна упорно преслѣдовала всѣ эти цѣли, и мы не можемъ не признать великой ея заслуги.

Въ отношеніи къ религіи правительство обнаружило небывалую дотолѣ въ Россіи и примѣрную для цѣлой Европы терпимость. Въ то самое время какъ Лудовикъ XIV, глава образованнѣйшаго народа, объявилъ жестокое религіозное гоненіе, когда послѣдовало отмѣненіе *Нантскаго эдикта*, когда толпы преслѣдуемыхъ протестантовъ принуждены были оставлять Францію, — Россія объявила, что она готова дать пріютъ этимъ несчастнымъ изгнанникамъ (29). Какъ имъ, такъ и другимъ иновѣрцамъ, находившимся въ Россіи, разрѣшено было свободное отправленіе ихъ богослуженій; духовенству строго было воспрещено обращать ихъ силою въ православіе (30), также какъ съ другой стороны объявлено было иновѣрцамъ, что обращеніе не спасетъ ихъ отъ наказанія за совершенныя ими преступленія, и что люди, пользующіеся покровительствомъ русскихъ законовъ, совершенно равны передъ ними, будутъ ли то православные, католики или протестанты, идея слѣдовательно столько же справедливая, сколько свѣтлая, мудрая, просвѣщенная и далеко опережавшая духъ современнаго общества. За то не мало протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, переселилось въ Москву, въ Нѣмецкую Слободу, принеся съ собою много просвѣщенія, правда неуспѣвшаго разцвѣсть при Софіи, по которымъ безъ сомнѣнія воспользовался нашъ великій преобразователь. Къ концу правленія царевны въ Москвѣ было пять иновѣрческихъ церквей, въ числѣ которыхъ одна каменная: явное доказательство покровительства иновѣрцамъ со стороны правительства.

И не въ отношеніи только католиковъ и протестантовъ, — многочисленныхъ, полезныхъ и спокойныхъ людей, — правительство явилось великодушнымъ; оно было кротко и терпѣливо въ отношеніи къ раскольникамъ, этимъ заклятымъ врагамъ своимъ, врагамъ церкви и общественнаго порядка. Преслѣдовать ихъ

(29) Полн. Собр. Зак. т. III, № 1331.

(30) Тамъ же т. II, № 1117.

значило бы наполнить всю Россію кострами, орудіями пытки, навлечь на себя проклятія и даже дѣятельную ненависть значительной части народонаселенія. Самъ Петръ I, тридцать лѣтъ правившій государствомъ, совершившій такъ много не только государственныхъ, но даже общественныхъ преобразованій, онъ, истребившій стрѣльцовъ, не рѣшился предпринять истребленія раскольниковъ, предоставивъ это времени и успѣхамъ просвѣщенія!... Безъ сомнѣнія подобнымъ же образомъ понимало расколъ и правительство царевны; оно строго поступило съ нимъ, когда онъ, въ лицѣ Хованскаго и Никиты, посягнулъ на спокойствіе государства, но потомъ его не преслѣдовало, а только подтвердило противъ него прежнія узаконенія (31), и результаты оправдали эти мѣры; лжеученіе не остановилось, правда, но оно тайлось, и только однажды, въ послѣднее время правленія царевны, обнаружено было нѣкоторое стремленіе къ пропагандѣ, и то на отдаленныхъ границахъ государства, на оконечности Донской земли, — но безъ большаго усилія было прекращено самими же Донцами, которые разсѣяли проповѣдниковъ раскола и принудили ихъ скрѣпиться въ безлюдныхъ степяхъ между Дономъ, Камою и Волгою (32).

Рисуя характеръ царевнина правительства, мы не станемъ исчислять всѣхъ постановленій касательно судопроизводства, разъясненія многихъ затрудненій при передачѣ наслѣдствъ, продажъ имѣній, узаконеній касательно чистоты улицъ въ Москвѣ, предупрежденія отъ пожаровъ и т. п.: мы предполагаемъ ограничиться только главнѣйшими чертами, мѣрами чисто-государственными; таковы, кромѣ упомянутыхъ выше, нѣкоторые указы, касавшіеся торговли.

Въ старинной Россіи, какъ это было нѣкогда и во всей Европѣ, внутренняя торговля была стѣсняема множествомъ привилегій, особыхъ правъ на взиманіе пошлинъ, которыми пользовались не только казна, но отдѣльныя области, города и даже частные люди. Судоходныя рѣки, большія дороги не были какъ теперь, достояніемъ государства, но частныхъ людей, монастырей или городовъ, черезъ земли которыхъ онѣ проходили. Такимъ образомъ эти пути сообщеній были на каждомъ шагу перерѣзаны заставами, на ко-

(31) Ак. Арх. Эксп. т. IV, № 284.

(32) Полн. Собр. Зак. т. II, № 1310.

торыхъ владѣльцы собирали пошлины съ проходящихъ товаровъ: за переправу черезъ мостъ, за паромъ, за проѣздъ черезъ городъ, за все бралась пошлина. Торговля отъ этого жестоко терпѣла, но владѣтели заставъ упорно стояли за свои права, и цари находили ихъ справедливыми и подтверждали подобныя привилегіи: Ѳеодоръ Алексѣевичъ напимѣръ на жалобу Путивльцевъ, что купцы, дабы не платить пошлины при проѣздѣ черезъ ихъ городъ, возятъ товары проселками, — опредѣлилъ взыскапія за минованіе заставъ (33).

Очевидно, что такое невѣжественное понятіе о собственности было повсемѣстнымъ въ Россіи; что это была одна изъ тѣхъ ложныхъ идей, одно изъ тѣхъ фальшивыхъ *ученій*, которыя въ разныя времена у всѣхъ народовъ замедляли ходъ общественнаго благосостоянія. Невозможно слѣдовательно требовать, чтобъ правительство царевны возвышалось надъ своимъ вѣкомъ до попрапія всеобщаго заблужденія; и дѣйствительно, оно отдавало, особенно въ послѣдніе годы, когда по причинѣ войны съ Крымомъ деньги сдѣлались нужнѣе, разныя статьи народной промышленности на откупъ частнымъ людямъ (34); но съ другой стороны, перебирая указы, изданные при Софѣ, встрѣчаемъ много такихъ, которые оказываютъ покровительство торгующимъ людямъ и опредѣляютъ нѣкоторыя ихъ права.

Между множествомъ постановленій, касающихся торговли и торговыхъ людей, внушенныхъ истиною и случайными, минутными потребностями, частію отмѣненныхъ царевною, остановимся на одномъ ея дѣйстви, заслуживающемъ полнаго нашего вниманія; это уничтоженіе томоженъ между Великою Россією и Малороссією (35). Меньшій результатъ этого постановленія состоялъ въ приобрѣтеніи и великорусскою и малороссійскою промышленностію, весьма незначительною конечно въ то время, новыхъ рынковъ, и слѣдовательно поощренія къ сильнѣйшей производительности; другой результатъ, гораздо болѣе важный и убѣдительно доказывающій глубину политическихъ соображеній царевны, заключался въ неминуемомъ сближеніи съ нами Украины.

Подобная же мѣра употреблена правительствомъ въ отношеніи

(33) Полн. Собр. Зак. т. II, № 693.

(34) Полн. Собр. Зак. т. II, № 1300. 1034.

(35) Полн. Собр. Зак. т. II, № 1036.

и къ другой вновь пріобрѣтенной провинціи, — Смоленской. Смоленскъ, уступленный Польшѣ во время самозванцевъ, былъ вновь пріобрѣтенъ Россіею вслѣдствіе славнаго Андрусовскаго перемирія, но пріобрѣтенъ не навсегда, а на время перемирія. Внутреннія смуты Польскаго государства, о которыхъ скоро будемъ подробнѣе говорить, подавали однакожь Россіи надежду удержать за собою и навсегда это старинное ея достояніе. Имѣя это въ виду, царица старалась привлечь къ себѣ смоленское народонаселеніе, связать его выгоды съ выгодами Россіи. Она подтвердила права шляхетства вообще и раздала помѣстья безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ дворянамъ; даровала привилегіи самому городу Смоленску (36) и всѣми этими мѣрами, безъ сомнѣнія, уравнивала вліяніе Россіи съ польскимъ вліяніемъ, такъ что въ случаѣ разрыва съ Польшею часть народонаселенія, можно было надѣяться, приметъ нашу сторону; въ случаѣ же окончательнаго упроченія за нами Смоленска, мы пріобрѣтали область уже на половину обрусѣлую.

Теперь перейдемъ къ обзорѣ дѣйствій правительства въ отношеніи къ иностраннымъ государствамъ.

До Петра I сношенія наши съ западною Европою представляють мало интереснаго, какъ извѣстно. Франція, Испанія и Португалія были знакомы намъ почти только по имени; съ частію германскихъ государствъ, Даніею, Голландскими Штатами и Великобританіей хоть и учреждались то торговыя, то дипломатическія сношенія, но и тѣ и другія бывали временныя, случайныя, до такой степени поверхностныя, что царь Алексѣй, прогнѣвавшись на Англичанъ, однимъ словомъ своимъ расторгъ всякую связь своихъ подданныхъ съ ними, и этотъ разрывъ не произвелъ потрясенія въ промышленности ни того, ни другаго народа.

Таковы были торговыя связи наши съ Западомъ. Что касается до отношеній дипломатическихъ, то за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, какъ на примѣръ предполагаемаго брачнаго союза при Годуновѣ съ Датскимъ дворомъ, или дѣятельнаго участія нашъ въ нашихъ дѣлахъ при самозванцахъ, дипломатическая переписка наша не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ азіатскими государствами мы имѣли болѣе древнія, но развѣ мало чѣмъ болѣе тѣсныя связи, не желись западно-европейскими. Правда, съ Персіею, съ Китаемъ, вели мы издревле торговлю; отъ

(36) Полн. Собр. Зак. т. II, №№ 935 6*

первой получали ковры и шелковыя ткани, изъ втораго вывозили еще при Иоаннѣ Грозномъ чай (37); но всѣ эти торговыя сношенія были непостоянны, недѣятельны, не были жизненною необходимостью народовъ, также какъ отношенія дипломатическія были по большей части только этикетныя: длинныя грамоты, которыми отъ времени до времени обсылались государи русскіе съ персидскими и китайскими: онѣ состояли на половину изъ титуловъ, другая же половина ихъ была наполняема высокопарными вѣжливостями...

Но изъ этого еще не должно заключать, чтобъ Россія жила совершенно отдѣльною, уединенною жизнію между европейскими государствами, которыхъ интересы въ эпоху, нами описываемую, уже значительно обобщились. Напротивъ, была сфера, въ которой Россія постоянно обнаруживала свое вліяніе; въ кругу государствъ Европы восточной, она имѣла свое значеніе, свою степень; интересы Швеціи, Польши и Турціи (съ Крымомъ) часто сталкивались съ интересами Россіи, и мы то воюемъ съ Польшею за Ливонію при Грозномъ, то заключаемъ договоры съ Швеціею при Шуйскомъ, то сажаемъ на московскій престолъ польскаго царевича, то протягиваемъ руку къ коронѣ польской. Съ половины XVII вѣка исторія Россіи тѣсно связывается съ исторіей государствъ восточной Европы. Присоединеніе Малороссіи сильно столкнуло интересы Россіи, Польши и Турціи, и длинная цѣпь переговоровъ, войнъ и перемирій связываетъ судьбы этихъ трехъ государствъ въ продолженіе полувѣка, до тѣхъ поръ, пока Петръ I не далъ другаго направленія силамъ и политики Россіи.

Чтобъ яснѣе уразумѣть политику царевны въ отношеніи къ сосѣдственнымъ государствамъ, обратимся нѣсколько назадъ и разберемъ обстоятельства, давшія основанія этой политикѣ.

Основаніемъ сношеній нашихъ съ Швеціею въ XVII вѣкѣ былъ договоръ, заключенный съ нею Шуйскимъ, по которому Россія уступала ей часть побережья Финскаго залива въ уплату за помощь противъ Самозванцевъ и Поляковъ. Въ то время какъ Шуйскій покупалъ столь дорогою цѣною союзъ Швеціи, Самозванецъ расплачивался за пособіе Польши Смоленскою и Сѣверскою областями. Царь Михаилъ, чтобъ умирить и уснокоить свое госу-

(37) Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 3.

дарство, принужденъ былъ подтвердить уступки, сдѣланныя его предшественниками, Польшѣ и Швеціи. Алексѣй Михайловичъ, вступилъ слѣдовательно въ управленіе государствомъ, потерявшимъ старинныя свои области, отрѣзаннымъ отъ морей, и имѣвшимъ границу въ 4—5 переходахъ отъ столицы. Между тѣмъ Россія оправилась, окрѣпла и стала обнаруживать ту, если можно такъ сказать, стальную упругость, вслѣдствіе которой она при первой возможности стремилась раздвинуться и захватить пространство, нѣкогда ею занимаемое. Малороссія изъявила желаніе вступить въ подданство Алексѣя. Предложеніе было заманчиво, но принять его, значило начать упорную борьбу съ Польшею и Турціею, потому что оба эти государства считали Украину своею добычею и достояніемъ. Подданство Хмѣльницкаго было послѣ долгихъ колебаній наконецъ принято и война съ Польшею и Турціею началась. Успѣхъ однакожь былъ по большей части на нашей сторонѣ, вслѣдствіе чего и былъ заключенъ съ Польшею Ордыномъ-Нащокинымъ славный Андрусовскій договоръ, который возвращалъ Россіи, только на время перемирныхъ лѣтъ, большую часть уступленныхъ не задолго передъ тѣмъ земель.

Въ то время, какъ царь Алексѣй такъ счастливо вознаграждалъ Россію за недавнія ея потери со стороны Польши, онъ вознамѣрился возвратить отъ Швеціи побережье Финскаго залива или даже можетъ быть Балтійскаго моря (38). Но подъ стѣнами Риги счастье, сначала благопріятствовавшее Русскимъ, оставило ихъ. Царь заключилъ миръ, которымъ прежнія уступки наши Швеціи были подтверждены.

Что же касается до Турціи, то война съ нею за Малороссію продолжалась, то пріостанавливаясь, то снова вспыхивая, и Феодоръ Алексѣевичъ наследовалъ ее, вмѣстѣ съ престоломъ отца своего; она кончилась наконецъ Бахчисарайскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1681 году на двадцать лѣтъ Тяпкинымъ и Зотовымъ (учителемъ Петра Великаго), вслѣдствіе котораго признано было безспорное господство Россіи надъ Украиною (до Днѣпра). Съ Польшею, съ другой стороны, было возобновлено перемиріе еще на тринадцать лѣтъ на прежнихъ же условіяхъ, исключая нѣкоторыя противъ прежняго уступки съ нашей стороны.

(38) Нынѣшнія остзейскія губерніи уступлены Польшею Швеціи по Оливскому миру.

Таковы были отношенія наши къ сосѣдямъ при вступленіи на престолъ царей Іоанна и Петра. Какъ къ сосѣднимъ дворамъ, такъ и къ дворамъ западной Европы посланы были *любительныя грамоты*, на которыя съ большею или меньшею поспѣшностію послѣдовали отвѣты. Прежніе договоры и трактаты были подтверждены со всѣми, какъ потому, что мы со всѣми были въ мирныхъ отношеніяхъ и не было причины нарушить ихъ, такъ и потому, что сомнительное въ началѣ положеніе правительства приуждало его обратить все свое вниманіе на внутреннія дѣла.

Но въ этой восточной Европѣ, въ которой съ половины XVII столѣтія интересы такъ обобщились, не замедлили обнаружиться признаки близкихъ потрясеній. Султанъ Магометъ IV и знаменитый визирь его, Купроглы, являются послѣдними представителями энергіи, буйной отваги и славы Османовъ. Турція оживилась при нихъ. Сухопутныя ея войска, покинувъ, вслѣдствіе Бахчисарайскаго договора, берега Днѣстра, обратились на Польшу и Австрію и принудили одну къ уступкѣ Каменца съ Подолією, другую къ невыгодному для нея Темешварскому миру. Флотъ Турціи между тѣмъ, послѣ двадцатилѣтней осады Кандіи, отнялъ этотъ важный островъ у Венеціанской республики. Это встревожило европейскихъ государей, тѣмъ болѣе что въ будущемъ можно было предвидѣть новыя враждебныя вмѣшательства со стороны Магомета.

Пріобрѣтеніе Венгерскаго королевства австрійскими эрцъ-герцогами, безъ сомнѣнія возвысило ихъ въ глазахъ Европы, но въ сущности оно было для нихъ весьма часто отяготительно. Народъ венгерскій не сливался съ прочими подданными австрійскаго государя, ревниво дорожилъ своею національнію и не разъ уже со времени своего присоединенія до исхода XVII вѣка обнаруживалъ энергическія попытки къ возстановленію своей независимости. Въ послѣдней четверти этого вѣка венгерскія дѣла приняли для Австріи весьма неблагоприятный оборотъ. Венгерцы взяли за оружіе; по всему государству быстро распространилось возмущеніе и главою его является молодой, отважный, предприимчивый Текелій. Чувствуя однакожь неравенство силъ между Австрією (поддерживаемою Германіей) и Венгрією; онъ воззвалъ о помощи къ Турціи и отдалъ отечество свое подъ ея покровительство. Турція съ радостію воспользовалась случаемъ сдѣлать зло

давнишней своей соперницѣ, и возстаніе Венгріи, руководимое Текеліемъ, подстрекаемое французскою политикою, поддерживаемое Турціею, обнаружилось съ ужающею силою и быстрою (39).

Поставленный между этимъ возстаніемъ и неутомимою враждою Лудовика XIV, императоръ Леопольдъ заботливо сталъ изыскивать себѣ союзниковъ. Въ это время королемъ польскимъ былъ Янъ III Собіескій, знаменитый побѣдитель Турокъ, возведенный на престолъ признательностію согражданъ. Онъ имѣлъ двойную причину желать союза съ императоромъ: государственную и личную, династическую. Возвратить Каменецъ и Подолію было единодушное желаніе государства; весь народъ скорбѣлъ объ этой утратѣ (40) и негодовалъ на миръ съ Турціею, обложившей Польшу унизительною данью (41). Съ другой стороны Янъ стремился къ утверженію престолонаслѣдія въ своемъ семействѣ, и въ этомъ отношеніи содѣйствіе императора могло быть ему весьма полезно; поэтому-то императоръ и послалъ своихъ агентовъ въ Польшу съ полною надеждою на успѣхъ. Между тѣмъ Лудовикъ XIV, котораго политическою системою было противудѣйствіе Австрійскому дому, сталъ заискивать дружбы воинственнаго Яна. Варшава сдѣлалась театромъ ожесточенной дипломатической борьбы между Франціей и Австріей. Последняя однакожь превозмогла наконецъ, какъ потому, что она предлагала деньги на военныя издержки, въ которыхъ Польша имѣла крайнюю нужду (42), такъ и потому, что императоръ изъявилъ согласіе на бракъ старшаго сына Янова съ одною изъ эрцъ-герцогинь, между тѣмъ какъ Лудовикъ XIV имѣлъ несчастіе вооружить противъ себя супругу польскаго короля, пользовавшуюся въ государственныхъ дѣлахъ большимъ вліяніемъ (43). Итакъ предложеніе Леопольда было принято, и договоръ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: императору выставить 70 тысячъ войска, королю 40 тысячъ, не

(39). Hist. d'Eméric Tékéli. (40) Возвращеніе Каменца было однимъ изъ условій, которыя долженъ былъ подписать Августъ II, чтобъ получить польскую корону. (41) Zielinsky, Hist. de Pologne. Т. II. 273. (42) Тотъ же Зелинскій говоритъ, что предшественникъ Яна, Михаилъ Вишневецкій, будучи избранъ королемъ, нашелъ дворъ въ такой бѣдности, что принужденъ былъ нѣсколько дней обѣдать у друзей своихъ. (43) Niemcewicz, 544.

мирится одному безъ другаго и стараться приобрѣтать новыхъ союзниковъ общему дѣлу.

Вслѣдствіе этой послѣдней статьи императоръ обратился къ венеціанскому правительству и при помощи папы Иннокентія XI, лично ему преданнаго, при помощи напоминанія о потерянной республикою Кандіи, успѣлъ склонить ее къ войнѣ Янъ III съ своей стороны обратился къ Россіи; послѣ многихъ намековъ и полусловъ объ обязанностяхъ всѣхъ христіанскихъ государей дѣйствовать съ-обща противъ враговъ креста, онъ наконецъ рѣшился формально пригласить царей къ союзу, 21 апрѣля 1683 года (44). Предложеніе это было получено въ Москвѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія царей изъ Троицкаго похода, когда еще волненіе, произведенное стрѣлецкимъ бунтомъ и замыслами Хованскаго, не успѣло совершенно утихнуть, когда правительство было слишкомъ озабочено у себя дома, и когда, слѣдовательно, вдаваться въ какія либо предпріятія внѣшней политики было бы съ его стороны и неблагоприятно и неосторожно. По этому предложеніе польскаго короля было отвергнуто на томъ основаніи, что Турція не подала повода къ нарушенію съ нею мира. Въ самомъ дѣлѣ въ первые мѣсяцы правленія Софіи, прибылъ изъ Константинополя посоль нашъ, Возницынъ, съ ратификаціею Бахчисарайскаго трактата, который Магометъ медлилъ подписывать, пока наконецъ не узналъ о союзѣ императора съ польскимъ королемъ и о домогательствахъ ихъ обоихъ, склонить къ тому же союзу и Россію.

За то, съ другой стороны вмѣшательство Дивана въ дѣла Венгріи приняло рѣшительный характеръ. Между тѣмъ какъ Текелій, прокламаціями своими и личнымъ примѣромъ возбуждая венгерское народонаселеніе, проникъ въ Силезію (45), а будинскій паша овладѣлъ Токаемъ, на берегахъ Савы и Дуная собрались огромныя полчища Турокъ, и въ началѣ весны 1683 года хлынули наконецъ на владѣнія Австріи, гоня передъ собою ея войска. Императоръ, не имѣя въ готовности силъ, чтобъ противустать этому страшному вторженію, не считая себя безопаснымъ въ своей столицѣ, оставилъ ее, и за нимъ до шестидесяти тысячъ жителей поспѣшили выгнать изъ Вѣны (46), которая и была обложена

(44) Туманск., т. IV, 78. (45) Hist. d'Eméric Tékéli. 132. (46) Ibid. 148.

Турками 14 іюля. Въ этой крайности Леопольдъ потребовалъ отъ Яна III исполненія договора. Бодрый король поспѣшилъ съ своимъ дворянствомъ съѣсть на коня, явился подъ стѣнами Вѣны и послѣ жаркаго боя принудилъ Турокъ поспѣшно отступить... Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ лагерь побѣдителя и императоръ; но вмѣсто благодарности за спасеніе своей столицы, оказалъ ея освободителямъ надменный и холодный пріемъ. Это естественно оскорбило и самого Яна и еще больше его дворянство, которое неохотно шло биться противъ Венгерцевъ, чувствуя къ нимъ болѣе симпатіи, нежели къ австрійцамъ. Но дѣлать было нечего; мириться съ Турками уже поздно было, и потому король польскій обратился съ новыми убѣжденіями къ русскому двору

Онъ поспѣшилъ извѣстить царей о пораженіи Турокъ; «Мнит-ся—писалъ онъ—что толико гордый и дѣдичный (древній) креста святаго непріятель и все войско потерять принужденъ былъ, еслибъ для толико великой побѣды и день былъ большой; но ночь наступила и онъ ушелъ (47), однакожь идемъ за нимъ, гонясь, и уже наши передовые поѣзды на шейхъ ихъ подлинно сидятъ». Съ естественнымъ и понятнымъ удовольствіемъ распространившись въ описаніи своей побѣды, онъ прибавляетъ: «Надежда въ крѣпкомъ Богѣ, что тотъ народъ бусурманскій, когда ни есть рукою христіанскою, при благословеніи Высочайшаго укротится и преломится, токмобъ всѣ христіанскіе государи восхотѣли». За тѣмъ прямо обращаясь къ царямъ, онъ убѣдительно приглашаетъ ихъ соединить свои силы съ силами побѣдителей и пригласить персидскаго шаха къ союзу. Императоръ съ своей стороны, извѣщая о пораженіи Турокъ, убѣждаетъ: «совокупивъ сердца, руки и оружіе», положить конецъ общему врагу христіанства.

Надѣясь новыми извѣстіями о побѣдахъ возбудить бранный духъ въ русскомъ правительствѣ, Янъ не допускалъ случая писать въ Москву. «Дунай, писалъ онъ изъ-подъ Буды (48), на треть версты пространства крѣзю плылъ»; онъ извѣщалъ и о помощи, которая стекалась къ нему со всѣхъ концовъ Германіи; «приходить, говорилъ онъ, время на изгнаніе изъ Европы враговъ святой вѣры», и не получая удовлетворительнаго отвѣта, удивлялся

(47) Туманск., т. IV, 100. (48) Туман. 107

равнодушію Россіи въ дѣлѣ общемъ всему христіанству, грозилъ гнѣвомъ небеснымъ...

Дѣйствительно, трудно было найти болѣе удобное время для начатія войны съ Турціею, ослабленною и уstraшенною цѣлымъ рядомъ неудачъ. Герой Собіескій уже создавалъ въ умѣ своемъ цѣлый планъ похода противъ Турокъ: Австрійцы должны были дѣйствовать со стороны Дуная, Поляки въ Подоліи, Русскіе противъ Крыма, персидскій шахъ наконецъ, къ которому посланы были гонцы изъ Варшавы (49), со стороны Малой-Азіи. Много было вѣроятностей успѣха, даже не считывая на содѣйствіе Персіи; но правительство русское не рѣшилось еще употребить силъ своихъ и дѣятельности на отдаленныя предпріятія.

Между тѣмъ въ отношеніи къ иностраннымъ дворамъ оно находилось въ прекрасномъ положеніи. Польскій король въ частыхъ своихъ посылкахъ хотя и выказывалъ иногда неудовольствіе на холодность нашу, старался однакожь всячески угождать царямъ, вызывалъ ихъ на полюбобное рѣшеніе пограничныхъ споровъ, посылалъ въ Москву листы за листами, пословъ за послами; императоръ Леопольдъ, надменный и гордый челоуѣкъ, непреклонный въ отношеніи къ этикету въ лагерь Собіесскаго, подъ стѣнами униженной Вѣны,—хвалился дружбою своею съ Россіею, благодарилъ за хорошій приѣмъ, оказанный въ Москвѣ его посламъ (50); султанъ Магометъ, наконецъ, поспѣшилъ смѣнить «холопа и работника своего крымскаго хана» вслѣдствіе неудовольствій противъ него Россіи (51). Въ столь выгодномъ и почетномъ положеніи относительно сосѣднихъ государствъ мы едва ли когда либо доселѣ были. Надлежало наконецъ имъ воспользоваться; иначе война съ Турціею могла окончиться, а миръ естественно отнималъ у Россіи выгодное ея положеніе.

Но такъ какъ участіе царевны въ турецкой войнѣ нашло много порицателей между современниками, а вслѣдъ за ними и между историками, то постараясь вникнуть, до какой степени эти порицанія справедливы; дѣйствительно ли были безумнымъ дѣломъ эти крымскіе походы — значительнѣйшее явленіе въ правленіе Софіи? выгодно ли было бы сохраненіе нейтралитета? или на-

(49) Туман. 163.

(50) Туман. 175. (51) Туман. 151.

конецъ лучше ли было бы, вступивъ въ борьбу со Швеціею, обратитъ всѣ силы и все вниманіе на пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря, какъ это даетъ чувствовать Голиковъ ?

Вопросъ о нейтралитетѣ падаетъ самъ собою. Государство нейтральное играетъ значительную роль только до тѣхъ поръ, пока длится ожиданіе, что оно пристанетъ къ той или другой сторонѣ; слѣдовательно Россія не могла долго сохранить свое выгодное положеніе относительно воюющихъ державъ; безъ сомнѣнія всего полезнѣе было бы ей преслѣдовать внутреннее свое развитіе; но она не могла съ желаемымъ успѣхомъ этимъ заняться до тѣхъ поръ, пока границы ея были далеко отъ Чернаго и Балтійскаго морей, когда единственные ея порты были на Сѣверномъ океанѣ, когда наконецъ дремучіе лѣса и болота Литвы отдѣляли ее отъ Европы. Это географически безобразное государство, прижатое къ полярнымъ льдамъ, границы котораго проходили почти въ виду столицы, и между тѣмъ безмѣрно растянутое отъ запада къ востоку, открытое наконецъ вторженіямъ дикихъ Крымцевъ, не обезопасенное ни со стороны Швеціи, ни Польши, должно было прежде всего создать себѣ правильное очертаніе, пріобрѣсть болѣе надежныя и выгодныя границы: слѣдовательно дальнѣйшій нейтралитетъ не обѣщаль ни внѣшняго величія, ни значительнаго развитія внутреннихъ силъ государства.

Итакъ оставалось выбирать между войною съ Швеціею или Турціею. Съ XVI вѣка вниманіе царей нашихъ преимущественно обращено было на сѣверъ; это вошло какъ бы въ преданіе русской политики. Но надо принять во вниманіе, что во все это время Крымцы и Турки были слишкомъ могущественны, и мы не могли думать о пріобрѣтеніи береговъ Чернаго моря, а потому Юаннъ Грозный, Годуновъ и Алексѣй не имѣли выбора, и желая добыть моря, должны были искать обладанія балтійскими берегами. Во время этихъ войнъ нашихъ со Швеціею, она была всегда развлечена другими войнами, обезпокоиваема другими врагами, и мы однакожь постоянно не имѣли успѣха. Въ настоящее же время Карлъ XI могъ располагать всѣми силами своего государства; онъ былъ монархъ самодержавный, болѣе нежели кто либъ изъ его предшественниковъ, и хотя его дворянство, особливъ лифляндское; было недовольно крутымъ его правленіемъ, но къ Россіи расположено оно было еще менѣе. При томъ шведско

войско менѣе полувѣка тому назадъ прошло съ побѣдою всю Европу и еще недавно громило Польшу, несравненно превосходившую насъ въ военномъ отношеніи. Самъ Петръ, обладавшій уже значительнымъ регулярнымъ войскомъ, великій воинъ самъ, гений могущественно владычествовавшій надъ умами своего народа — и онъ счелъ нелишнимъ вооружить противъ Швеціи Польшу и Данію: слѣдовательно не безразсудно ли было бы царевнѣ, не располагавшей ни однимъ изъ средствъ Петра, вступить въ борьбу съ государствомъ, не подавшимъ сверхъ того никакого повода къ серіозному неудовольствію ?

Въ отношеніи къ Крымцамъ мы были совершенно въ другихъ отношеніяхъ; правда, Черное море было не столь выгодно для насъ какъ Балтійское, и берега его были дальше отъ нашихъ границъ нежели берега Балтійскаго; но въ случаѣ успѣшной войны съ Турціею мы могли достигнуть двойной выгоды: добыть себѣ море, и если не истребить вовсе, то значительно ослабить, заключить въ Таврической полуостровъ, заклятыхъ враговъ нашихъ, несравненно опаснѣйшихъ и безпокойнѣйшихъ нежели Шведы; если же бы удалось вовсе изгнать Татаръ, что считали возможнымъ нѣкоторые безпристрастные современники (52), то какія огромныя богатства нашли бы мы въ Крыму, куда въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ стекались сокровища Польши, Венгрии, Дунайскихъ Княжествъ и наши русскія! Турція была бы намъ не страшна; можетъ быть не было бы ни прутской кампаніи, ни всѣхъ войнъ на берегахъ Дуная, славныхъ безъ сомнѣнія, но стоившихъ Россіи много крови; обезопасились бы и процвѣли бы богатые области Курская и Воронежская; Украина и Запорожье надежнѣе утвердились бы за Россіею; на послѣдокъ положено было бы окончаніе двухсотъ-пятидесятилѣтней борьбы нашей съ татарскими ордами, завершено было бы дѣло обоихъ Іоанновъ! Къ этому едва ли когда могъ представиться удобнѣйшій случай. Турція была сильно озабочена дѣйствіями Поляковъ и Австрійцевъ, и давно отказавшись отъ содѣйствія Венгрии, съ трудомъ отбивалась на своей собственной землѣ; доказательствомъ, какъ дорогъ для нея былъ нейтралитетъ Россіи, служитъ низложеніе крымскаго хана. Съ другой стороны Янъ III, болѣе герой чѣмъ политикъ, съ такою настойчивостію

(52) Tagebuch des G. Gordon t. II. 5.

приглашалъ Россію къ союзу, былъ такъ уступчивъ въ мелкихъ недоразумѣніяхъ, естественно встрѣчающихся между сосѣдями, что можно было надѣяться на хорошую плату за нашу помощь. Сколько выгодъ слѣдовательно, казалось, обѣщала война съ Турціею!

Но былъ ли законный или хоть благовидный поводъ къ началію этой войны? Такой необузданный народъ какъ Татары, даже при самомъ миролюбивомъ расположеніи своего правительства, не въ состояніи были строго сохранять договоры. «Вы не будете первыми зачинщиками, говоритъ Гордонъ (53) въ официальной своей запискѣ Голицыну; Татары нападали въ разные времена на вашу землю, увлекали плѣнниковъ; превращали смыслъ и содержаніе мирнаго союза, безчестили вашихъ гонцовъ». И дѣйствительно, они мучили и ругали нашего посланника, стольника Тараканова. Гетманъ Самойловичъ слалъ одно за другимъ донесенія въ Москву о разореніи Крымцами нашихъ границъ. Въ то время какъ правительства считались въ мирѣ между собою, пограничные начальники продолжали вести открытую войну; азовскій паша не давалъ покоя нашимъ Донцамъ, грозилъ вторженіемъ въ ихъ земли; вотъ что писалъ бодрый атаманъ донскаго войска Фролъ Минаевъ къ крымскому хану (54): «Если ты, ханъ Муродъ Гирей, азовскаго Сюина-бея не уймешь, то и мы молчать не будемъ же; а и самъ ты хочешь идти подъ наши городки; и наши городки не корыстные, оплетены плетнями и обвѣшаны тернами, а надо ихъ доставать твердо головами. Даромъ вамъ въ дальній путь забиваться!» При такихъ отношеніяхъ не надо было долго искать предлога къ войнѣ.

Итакъ остается только рѣшить: можно ли было надѣяться на успѣхъ въ войнѣ съ Татарами? Если когда нибудь онъ былъ вѣроятенъ, то именно въ настоящую минуту. Султанъ, занятый собственными дѣлами, не въ состояніи былъ оказать имъ помощи а слѣдовательно намъ предстояло раздѣливаться съ ними одинъ ни одинъ. Къ концу XVII столѣтія Крымцы не имѣли уже въ глазахъ нашихъ ореола непобѣдимости; при Алексѣѣ и Феодорѣ мы терпѣли отъ нихъ пораженія, но и сами бивали ихъ; кавалерія

(53) Тамъ же.

(54) Собр. Грам. и догов. т. IV № 157.

ихъ была лучше нашей, но съ своею пѣхотою мы смѣло могли ихъ встрѣтить. «Московскій народъ очень стоекъ въ защитѣ», сказалъ о насъ гетманъ Жолкѣвскій въ началѣ XVII (55), также какъ сказалъ это два вѣка спустя Наполеонъ; иностранецъ, бывший въ русской службѣ, Шлейсингъ (56), хвалитъ нашу пѣхоту (въ отношеніи къ войнѣ съ Татарами); слѣдовательно при столь благопріятныхъ политическихъ условіяхъ, вопросъ и въ военномъ отношеніи представлялъ вѣроятности успѣха. Гордонъ, образованный военный человѣкъ, долго служившій на украинской границѣ, знавшій слѣдовательно хорошо и наши средства и силы Татаръ, не сомнѣвался въ успѣхѣ. Только театръ войны былъ неблагоприятенъ: прежде чѣмъ добраться до Крыма, надлежало проходить пустыми степями; но предусмотрительностію можно было до нѣкоторой степени предотвратить неудобства слѣдованія по безводнымъ пустынямъ: можно было держаться Днѣпра, такъ что безъ воды пришлось бы идти не болѣе двухъ дней; мѣстоположеніе было открытое, допускавшее вездѣ боевой порядокъ; трудныхъ мѣстъ, — лѣсовъ; болотъ, переправъ не было вовсе; такъ по крайней мѣрѣ увѣряли спеціальные люди, вызванные и спрошенные правительствомъ (57). Все слѣдовательно убѣждало его на подвигъ, котораго послѣдствія могли быть огромны.

Въ самомъ дѣлѣ, какой толчекъ, какое развитіе могло бы дать нашему отечеству взятіе Крыма, овладѣніе берегами Чернаго моря, — а это считалось возможнымъ для людей, повторяемъ, которыхъ нельзя подозрѣвать въ угодничествѣ сильному любимцу! Нѣтъ, крымскіе походы были не прихотью Голицына, не капризомъ царевны, не затѣей безъ основанія и результатовъ, какъ это представляютъ многіе историки! Исполненіе ихъ было дурно, и мы скажемъ и докажемъ это въ свое время съ полнымъ безпристрастіемъ; но мысль ихъ была великая, плодovitая; ее выполнила Екатерина столѣтіе спустя. Самъ Петръ, наконецъ, не обратился ли онъ прежде къ Черному, нежели къ Балтійскому морю? А Петръ не былъ въ столь благопріятныхъ условіяхъ относительно Татаръ какъ царевна, поддерживаемая Польшею, Австріею и

(55) Обзоръ Соб. Р. И. Совр. 1849 г. № 3. 32.

(56) Die beiden Zaaren, Schleissing.

(57) Tagebuch des G. Gordon t. II. 5.

венеціанскимъ флотомъ. Взятіе Азова Петръ торжествовалъ конечно не какъ побѣду надъ ничтожною крѣпостцю, но какъ первый шагъ къ великому будущему. Это будущее должна была имѣть въ виду и царевна: если предполагалось ея правительствомъ завести флотъ на Каспійскомъ морѣ (58), пустынномъ морѣ, уединенномъ, мало посѣщаемомъ и въ настоящее время, то неужели тогоже не предполагалось относительно Чернаго моря, этого естественнаго пути восточной торговли, этой открытой и прямой дороги къ самому сердцу Турецкой имперіи?

Итакъ война съ Крымомъ была рѣшена въ Москвѣ; но это рѣшеніе должно было скрывать отъ Польши, чтобъ принудить ее къ жертвамъ и уступкамъ за наше содѣйствіе. Поэтому посламъ императора Леопольда, бывшимъ въ Москвѣ въ 1684 году, сказано, что начать войну съ Турками Россія не можетъ, не обезпечивши себя прочнымъ образомъ со стороны Польши. Объясненіе это было очень искусно сдѣлано: оно ставило императора въ положеніе посредника, котораго выгоды были однакожь на нашей сторонѣ и который слѣдовательно долженъ былъ дѣйствовать въ нашу пользу на польскаго короля.

Началась переписка между московскимъ и варшавскими дворами. Назначено было съѣхаться уполномоченнымъ; пренія должны были происходить въ Москвѣ. Янъ III прислалъ сенатора Гримультовскаго, двухъ князей Огинскихъ и Потоцкаго. Царевна съ своей стороны уполномочила начальника Посольскаго приказа, князя Вас. Вас. Голицына и придала ему ближнихъ бояръ Бор. Петр. Шереметева и Ив. Вас. Бутурлина, ближнихъ окольничихъ П. Д. Скуратова и И. Ив. Чаадаева, да думныхъ дьяковъ Украинцова, Бобнина, Посникова, Возницына и Волкова; мы выпи-сали имена всѣхъ участниковъ одного изъ славнѣйшихъ нашихъ дипломатическихъ подвиговъ (59).

Два трактата могли служить основаніемъ при предстоявшихъ переговорахъ: Андрусовскій и трактатъ 1678 года. Условія пер-ваго были слѣдующія: Днѣпръ назначался границею между Рос-сіею и Польшею; Украина по лѣвую сторону сей рѣки утвержда-лась на вѣки за Россіею; Кіевъ, хотя и на польскомъ берегу сто-

(58) Сахарова Зап. Р. Люд., въ примѣч. 25 къ Запис. Мат.

(59) Полн. Соб. Зак. Т. IV. № 1186.

яцій, предоставленъ Россіи на два года; на все время перемирныхъ лѣтъ уступались Польшою: Смоленскъ, Дорогобужъ, Невель, Себежъ, Красный, Велижъ, Черниговъ, вся Сѣверская земля со многими городами; Запорожье должно было оставаться подъ обороною и послушаніемъ обоихъ государей. Таково содержаніе Андрусовскаго договора. Договоръ 1678 года подтвердилъ тѣже самыя условія, то есть Днѣпръ границею между обоими государствами, двухлѣтнее владѣніе Кіевомъ и тринадцатилѣтнее (срокъ перемирія) Смоленскою и Сѣверскою областями, за исключеніемъ Невеля, Велижа и Себежа, уступленныхъ на этотъ разъ Россію Польшѣ. Сверхъ того въ оба эти перемирія уплачено съ нашей стороны 400 тысячъ злотыхъ.

Изъ приведенныхъ договоровъ, разумѣется, выгоднѣе для насъ было бы принять въ основаніе первый: кажется такъ и было сдѣлано; по крайней мѣрѣ безъ уваженія къ уступкамъ, сдѣланнымъ въ 1687 году статьи андрусовскія были приняты во всей ихъ обширности и утверждены *на вѣки*, а именно: Сѣверская земля со всѣми городами и Смоленская отходили навсегда къ Россіи. Кіевъ, съ нѣскольکو бѣльшимъ противъ прежняго округомъ, также на вѣки уступленъ былъ Польшою, равно какъ и Запорожье, признанное нераздѣльнымъ и безспорнымъ достояніемъ Россіи. Таковы были статьи относительно границъ нашихъ съ Польшою; другими статьями опредѣлялись титулы государей, права взаимной торговли, свобода вѣроисповѣданій, пограничныя отношенія и наконецъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Турокъ. Положено въ текущемъ же 1686 году Россіи открыть военныя дѣйствія, направляя ихъ противъ Крыма; въ случаѣ же окончательнаго успѣха съ этой стороны обратить свои войска для содѣйствія Полякамъ, — помощь, выговоренная и Россією отъ Польши; мира не заключать отдѣльно. Король польскій обнадѣживалъ, что условія этого союза будутъ приняты во всей ихъ силѣ императоромъ германскимъ и Венеціанскою республикою, и что оный становится общимъ дѣломъ между всѣми четырьмя поименованными государетвами.

Въ какомъ отношеніи мы ни стали бы разсматривать этотъ договоръ, вездѣ интересы Россіи торжествуютъ. Утвержденіе за Россією Кіева, — *матери городовъ Русскихъ*, — было со стороны царевны данью народной гордости, данью, которую домогались и

не въ состояніи были принести царь Алексѣй и Теодоръ. Приобрѣтеніе Смоленской и Сѣверской земли съ линіею Днѣпра доставляло намъ естественную границу и отдаляло ее отъ столицы, возвращало въ лоно отечества похищенныхъ у него чады, начинавшая такимъ образомъ великое *слиянiе славянскихъ ручьевъ въ русское море* (60). Исключительное владѣніе Запорожьемъ приближало насъ къ Черному морю, приводило Россію съ нимъ въ соприкосновеніе, отнимало у польскихъ интригъ входъ въ Русскую землю, окончательно разрѣшало вѣковой споръ между московскимъ, варшавскимъ и цареградскимъ дворами и обѣщала значительныя выгоды при предстоявшей войнѣ съ Турціей. Сколько выгодъ постоянныхъ, вѣчныхъ, сколько плодovitыхъ съменъ, за единовременную уплату ста сорока тысячъ рублей! И выгоды эти приобрѣтены не усиліями, не войною, но одною искусною политикой, умѣніемъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами! Еслибъ предполагаемая война съ Крымомъ не принесла никакихъ результатовъ, то уже одинъ этотъ договоръ заранее выкупалъ все, и кровь русская проливалась бы не даромъ.

Желая приобрести новыхъ союзниковъ и, еще болѣе, вступить въ новыя связи съ европейскими государями (61), царица отправила посольство въ Голландію къ бранденбургскому, датскому, шведскому, также къ французскому и испанскому дворамъ, въ

(60) Славянскіе ль ручьи сольются въ русское море?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

А. Пушкинъ..

(61) Вся Западная Европа была въ то время озабочена честолюбивыми замыслами Лудовика XIV, гораздо для нея опаснѣйшаго, чѣмъ Магаметъ IV; поэтому нельзя было надѣяться, чтобъ приглашенія наши къ союзу противъ Турокъ были приняты. Гораздо вѣроятнѣе, что царица воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ войти въ сношенія болѣе тѣсныя съ западною Европою,—желаніе, которое не разъ она обнаруживала. Какой въ самомъ дѣлѣ интересъ могла имѣть отдаленная Испанія, Бранденбургъ, Данія въ войнѣ съ Турціею? Но въ 1685 году русское правительство разрѣшило датскому резиденту закупить 100 т. четвертей хлѣба (Дѣянія Петра Великаго т. 1. 195). Въ 1683 году была переписка объ открытіи въ Колѣ торговой датской конторы, а въ 1688 году состоялся указъ о дарованіи права бранденбургскимъ подданнымъ торговать въ Архангельскѣ (И. С. З. т. II. № 13271). Намъ кажется вѣроятнымъ, что царица желала и отчасти успѣла черезъ свои посольства открыть подобныя сношенія, и завести оныя съ другими государствами. Открыты были сношенія и переговоры съ Китаемъ, окончившіеся торговымъ договоромъ (Полн. Собр. Зак. т. III. 1346 №.). Имеретинскій царь

Въну же за ратификаціей договора и для окончательныхъ совѣщаній, касательно предстоявшей войны, посланъ былъ дипломатъ и воинъ, уже начинавшій свою знаменитость, Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Между имъ, имперскими министрами и посломъ польскаго короля, княземъ Любомірскимъ, были опредѣлены время открытія военныхъ дѣйствій, число войска, которое должна была выставить каждая изъ договаривающихся державъ и прочія подробности. Шереметевъ пробылъ довольно долго въ Вѣнѣ съ многочисленною свитою; наконецъ онъ возвратился въ Россію, а околичничій Чаадаевъ, также одинъ изъ участниковъ послѣдняго договора, отправился далѣе, въ Венецію, для подобныхъ же совѣщаній. «Итакъ видно, говоритъ авторъ, у котораго заимствуемъ мы эти извѣстія (62), что не одна Польша спасала Венгрію и Европу отъ Турокъ.»

Договоръ 1686 года былъ принятъ, какъ и слѣдовало ожидать московскимъ и варшавскимъ дворами съ весьма различными чувствами. Янъ III подписалъ его со слезами на глазахъ. Царевна же осыпала милостями Голицына и его сотрудниковъ, и съ торжествомъ обнародовала о блистательныхъ приобретеніяхъ, сдѣланныхъ ею.

Славнымъ этимъ договоромъ мы заключимъ главу, посвященную обзору дѣйствій царевнина правительства,—дѣйствій, ознаменованныхъ духомъ послѣдовательности, порядка и нѣсколькими великими, плодovitыми предположеніями. Царевна возвысилась неправдою, и была низложена во имя законности; за кратковременнымъ ея правленіемъ послѣдовало долгое, блистательное правленіе гениальнаго человѣка. Современники, пораженные величіемъ Петра, пропустили безъ вниманія его сестру; можетъ быть въ этомъ равнодушіи къ падшей партіи играло не малую роль, желаніе угодить партіи торжествующей. Но если всѣ эти причины могли существовать для современниковъ,—для насъ, людей XIX столѣтія, они существовать не могутъ. Къ Милославскимъ и къ

Арчилъ принять въ русское подданство (Соб. Гр. и Дог. т. IV № 159). Но есть и болѣе важный памятникъ дипломатическихъ дѣйствій: это основанная на прошеніи молдавскаго господаря Контакузена грамота, обладающая его, что онъ принять будетъ въ подданство Россіи. Эта надежда не исполнилась, но замѣчательно; какъ мысль правительницы обнимала и тѣснила Турцію со всѣхъ сторонъ.

(62) Обзор. Совр. извѣст. Тургенева въ Ж. М. Н. Пр. 1844 XLI.

Нарышкинымъ мы равнодушны: и для тѣхъ и для другихъ мы потомство; дѣла Петра должны внушать намъ удивленіе, но не ослѣплять насъ, и во всякомъ случаѣ этотъ великій человѣкъ не имѣеть нужды, чтобъ къ его подвигамъ историки прибавляли обрывки посторонней славы.

Что бѣльшая часть разсмотрѣнныхъ нами правительственныхъ дѣйствій принадлежатъ самой царевнѣ, что она была душею тогдашняго правительства, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія единогласныя свидѣтельства современниковъ. А какъ эти современники выставляютъ впередъ правительницу чаще для порицанія, чѣмъ для похвалы, то свидѣтельства ихъ не подозрительны: некому было прославлять ее, всѣ друзья ея погибли... Итакъ мы считаемъ обширное личное вліяніе Софій Алексѣевны на управленіе Россіею за фактъ, не требующій новыхъ доказательствъ; но намъ хотѣлось бы знать, кто изъ приближенныхъ къ ней людей и въ какой мѣрѣ раздѣлялъ съ нею правительственные труды? Съ кѣмъ она должна раздѣлить, слѣдовательно, и славу и отвѣтственность передъ потомствомъ?

Мы знаемъ, что она приступила къ правленію въ сопровожденіи Милославскаго и Голицына; знаемъ также, что въ послѣдствіи Шакловитый пользовался большою ея довѣренностію; какова жъ была доля каждаго изъ нихъ въ трудахъ и подвигахъ государственныхъ? О Милославскомъ, котораго имя безпрестанно встрѣчается въ современныхъ запискахъ во время переворотовъ, изложенныхъ въ двухъ первыхъ главахъ, послѣ смерти Хованскаго, почти вовсе не упоминается тѣми же современниками; это заставляетъ насъ думать, что онъ пользовался небольшимъ вліяніемъ у царевны, когда она достигла власти, и мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что онъ вообще выказалъ мало характера и недовольно привязанности къ дѣлу, которое однакожъ должно было его интересовать. Правда, въ первое время послѣ смерти Феодора, онъ работалъ много, можетъ быть больше всѣхъ, но тайкомъ, сказывался больнымъ, сидѣлъ дома, какъ будто придумывая для себя отступленіе въ случаѣ неудачи? Такое двусмысленное поведеніе во время опасности припоминается послѣ побѣды, и вотъ почему думаемъ мы, онъ потерялъ расположеніе и довѣренность правительницы. Притомъ же онъ не болѣе трехъ лѣтъ пережилъ свое возвышеніе. Наконецъ нигдѣ не видимъ мы, чтобъ умъ его, впро-

чемъ тонкій, оборотливый, неутомимый и проницательный, имѣлъ тѣ обширные размѣры, которые нужны были для сотрудника царевны.

Въ отношеніи къ умственнымъ средствамъ тоже почти можно сказать и о Шакловитомъ; но онъ былъ молодъ, былъ безусловно преданъ царевнѣ, и не отступалъ ни передъ какимъ злодѣяніемъ, чтобъ угодить ей. За то въ интригахъ придворныхъ, въ козняхъ противъ Петра, Шакловитый игралъ первую роль, а какъ эти козни и интриги были доступнѣе взорамъ современниковъ, чѣмъ соображенія политическія, созидавшіяся въ тишинѣ кабинета, то и понятно, что этотъ второстепенный клеветъ могъ легко показаться ближайшимъ наперсникомъ царевны (63).

Итакъ въ нашихъ глазахъ дѣлается яснымъ, что истинно правительственные труды дѣлилъ съ нею одинъ Голицынъ. Да если бы мы не были приведены къ этому заключенію цѣпью вышеприведенныхъ доводовъ, имя этого министра такъ часто произносится современниками, встрѣчается въ официальныхъ бумагахъ и наконецъ впереди всѣхъ выставляется иностранными писателями, что мы необходимо и на этомъ основаніи должны прійти къ тому же убѣжденію.

Обозрѣніе предшествующей жизни Голицына, мы надѣемся, подтвердить высокое мнѣніе, высказанное нами о немъ. Онъ лишился отца на тринадцатомъ году (64); но его мать озаботилась дать ему воспитаніе, какое рѣдко получали Русскіе того времени: онъ зналъ греческій, латинскій и нѣмецкій языки и былъ хорошо знакомъ съ исторіею. Служба его началась при дворѣ, гдѣ его имя и связи, равно какъ образованность, должны были держать его на виду. Въ 1676 году, тридцати семи лѣтъ отъ роду, былъ уже онъ возведенъ въ самъ боярина и посланъ царемъ Θεодоромъ на службу, на украинскую границу. Тамъ бушевалъ Дорошенко. Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій (убитый во время Стрѣлецкаго мятежа) командовалъ русскою арміею. Онъ велъ войну вяло, безъ энергіи, неискусно; Голицынъ немногому могъ научиться въ его школѣ, но за то онъ успѣлъ здѣсь выказать свои дипломатическія способности: по его убѣжденіямъ слался неуго-

(63) Матвеевъ 50.

(64) Сахаровъ Записки Р. Люд. Примѣч. 25 къ Запискамъ Матвеева.

монный Дорошенко, застрѣвшій насмерть въ Чигиринѣ, за что и была пожалована царемъ Феодоромъ Голицыну гетманская булава, которую мятежникъ положилъ въ знакъ покорности (65).

Такъ началось политическое поприще будущаго министра царевны. Окруженный ореоломъ молодой своей славы, онъ возвратился въ Москву, и острый взоръ Софіи Алексѣевны не замедлилъ отличить его въ сонмѣ царедворцевъ. Царь съ своей стороны былъ къ нему милостивъ, и, надо думать, допускалъ его свободно говорить съ собою о государственныхъ дѣлахъ, о послѣдней войнѣ. Голицынъ, который не выказалъ, по нашему мнѣнію, особыхъ военныхъ способностей, не могъ слѣдовательно обнаружить стратегическихъ ошибокъ Ромодановскаго, его непонятной медленности, его неопредѣленныхъ движеній; но обладая обширнымъ административнымъ умомъ, онъ могъ лучше, нежели кто либо въ то время, понять недостатки въ организаціи нашего войска. Въ-роятно царь въ бесѣдахъ своихъ съ Голицынымъ коснулся этого предмета, потому что сему послѣднему поручено было сдѣлать преобразованія въ составѣ и управленіи войска. Преобразованія, совершенныя имъ, впрочемъ незначительны, и мы не считаемъ нужнымъ даже упоминать о нихъ; за то углубляясь своимъ проницательнымъ взоромъ въ пружины слабой дисциплины, худаго управленія и недостаточныхъ успѣховъ нашего войска, онъ дошелъ наконецъ до вопроса о мѣстничествѣ.

Мы не будемъ распространяться о свойствахъ и сущности этого важнаго явленія въ исторіи нашего отечества, во первыхъ потому, что вопросъ о мѣстничествѣ не входитъ въ предположенный нами кругъ изслѣдованій; во вторыхъ потому, что не надѣмся ничего прибавить къ открытіямъ, сдѣланнымъ на этомъ поприщѣ до насъ. Мѣстничество вытекло изъ родовыхъ началъ, которыя господствовали также и въ отношеніяхъ удѣльныхъ князей; удѣльныя владѣнія уничтожились, но понятія о старшинствѣ какъ городовъ, такъ родовъ и наконецъ лицъ въ одномъ родѣ, сохранились; члену старѣйшаго рода *не доводилось* сидѣть за столомъ царскимъ ниже члена одного изъ младшихъ родовъ; старшему родичу нельзя было находиться въ войнѣ подъ командою родича младшаго. А кто по ошибкѣ, нера-

(65) Др. В. Вивл. Т. XVII. 25.

дѣлю или недостатку твердости уступалъ свое мѣсто младшему, тотъ унижался, дѣлалъ *потерку* не только себѣ, не только прямому своему потомству, но всему своему роду, такъ что разъ обойденный навсѣгда былъ униженъ. Поэтому понятно, отчего предки наши такъ дорожили старшинствомъ своимъ, своимъ *мѣстомъ*; почему они, будучи не соответственно понятію о старшинствѣ назначены въ войско, убѣгали съ поля сраженія, почему сказывались больными, чтобъ не сидѣть за царскимъ столомъ ниже нѣкоторыхъ фаворитовъ, а когда ихъ приводили за столъ силою, то вырывались, со слезами протестовали, прятались подъ лавку и т. п.

Въ придворныхъ церемоніяхъ этотъ счетъ старшинствомъ и мѣстами могъ подать поводъ только къ неумѣстнымъ и смѣшнымъ сценамъ, но въ государственной службѣ слѣдствія его были несравненно важнѣе. Воевода, назначенный въ какой нибудь городъ, отказывался отъ назначенія, если въ другомъ какомъ нибудь городѣ, на противоположномъ концѣ Россіи, былъ воевода моложе его родомъ, или если городъ, въ который онъ назначался, былъ моложе другаго, управляемаго воеводою, равнымъ съ нимъ по роду, ибо и города имѣли свою іерархическую лѣстницу, и не только города, но и различные пункты въ одномъ и томъ же городѣ (66)! Сколько мелкихъ, ничтожныхъ, отнимающихъ только время расчетовъ должно было государю брать въ соображеніе при каждомъ назначеніи къ гражданской, военной или придворной должности!

Прибавимъ къ этому что не одни только знатные роды, но и роды простыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ считались между собою старшинствомъ: тотъ, чей отецъ былъ головою, не могъ принять мѣста подъ командою того, чей отецъ былъ только сотникомъ. Соображая это, соображая развѣтвленіе родовъ, сутяжничество и юридическія уловки для добыванія себѣ *чести*, наконецъ многосложность обширной государственной машины, можемъ понять, какія страшныя затрудненія встрѣчались на каждомъ шагу. Разрядныя книги составили наконецъ такую многосложную, запутанную іерархическую сѣть, которую становилось безмѣрно трудно разбирать, а ее приходилось прикладывать къ такой же сѣти, составленной изъ должностей военныхъ, гражданскихъ и при-

(66) Сябир. Сборникъ.

дворныхъ, и требовалось, чтобъ объ эти сѣти совпадали во всѣхъ пунктахъ! Это становилось невозможнымъ чтобъ прибавить или убавить или только перемѣнить одну единицу въ этой огромной двойной мозаикѣ должно было разбирать и снова собирать ее всю!

До подобныхъ выводовъ дошелъ Голицынъ, рассматривая недостатки въ организаціи русскаго войска. Мѣстничество давно было противно царямъ; и не находя выхода изъ лабиринта они прибѣгали иногда къ маленькимъ *coup d'état*, приказывая *быть безъ мльстѣ*. Поэтому когда Голицынъ предложилъ Θεодору уничтожить мѣстничество, то есть обратить въ постоянный законъ, въ нормальное состояніе эти службы *безъ мльстѣ*, то государь съ радостію одобрилъ эту мысль, и *соборнымъ дѣліемъ*, ознаменовавшимъ послѣдніе дни его царствованія, положено было сжечь разрядныя книги, и мѣстническіе расчеты предать навсегда забвенію.

Истребленіе мѣстничества есть одинъ изъ великихъ фактовъ нашей исторіи. Оно было не просто учрежденіе, вредное и потому въ свое время отмѣненное однимъ словомъ царскимъ: это была вѣковая идея, возникшая въ народѣ, имѣ взлелеянная, крайнее развитіе родовыхъ началъ, все таже гидра, которую встрѣчаемъ въ княжескихъ междусобіяхъ, потерявшая часть своей силы, но еще живая, ядовитая, противуобщественная, противугосударственная. Поразить ее окончательно значило довершить дѣло об ихъ Іоанновъ, привести къ концу вѣковѣчную борьбу въ Россіи родоваго начала съ государственнымъ. И какъ облегчался, благодаря этой великой государственной побѣдѣ, путь будущимъ преобразованиемъ Петра! Стоило ему только замѣтить способности, и онъ дѣлалъ Меньшикова фельдмаршаломъ, Лефорта адмираломъ, Шафирова министромъ: Одоевскіе, Трубецкіе, Голицыны забыли свои старинныя права, свои мѣстническіе расчеты!

Не полагаемъ, чтобъ совѣтникъ царя Θεодора предвидѣлъ неисчислимыя послѣдствія соборнаго дѣянія, но безъ сомнѣнія высокія мысли тѣснились въ головѣ его, когда пламя обхватило разрядныя книги! Никто не можетъ предсказать, бросая сѣмя въ землю, сколько зеренъ оно принесетъ: будущее въ руцѣ Божіей; но одно уже уразумѣніе лживости понятія повсемѣстнаго, столь древняго, что начало его теряется отъ взоровъ изыскателя, понятія, которое всасывалось каждымъ Русскимъ съ молокомъ матери, одно уже уразумѣніе, говоримъ, этого предрасудка, обличаетъ въ

Голицынъ необыкновенно глубокой, свѣтлый и независимый умъ, также, какъ добровольное его отреченіе отъ выгодъ, представляемыхъ ему, какъ члену одного изъ *лучшихъ родовъ*, мѣстническими понятіями, заставляетъ въ немъ предполагать душу, способную возноситься до высокаго безкорыстія.

Таково наше мнѣніе объ этомъ сотрудникѣ царевниномъ; но современники не любили его: почему? на это можетъ быть много причинъ. Во первыхъ, всѣ современныя записки, до насъ дошедшія, писаны людьми непріязненной ему партіи. Одинъ Медвѣдевъ могъ бы сказать о немъ доброе слово, но онъ не успѣлъ довести своихъ записокъ до эпохи, когда князь Василій выдвинулся впередъ. Во вторыхъ, могли ли современники оцѣнить его труды? Голицынъ трудился въ кабинетѣ, значить тайно отъ толпы, и покровительствовалъ иностранцамъ, значить, не располагалъ къ себѣ Русскихъ. Наконецъ онъ истребилъ мѣстничество этого одного было достаточно, чтобъ возстановить противъ него современниковъ. За то, какихъ нелѣпыхъ обвиненій не было выведено на него угодничествомъ, пристрастіемъ или невѣжествомъ! Говорили, что онъ получилъ деньги отъ Поляковъ при заключеніи договора 1686 года (67), договора, который отчуждалъ отъ Польши Запорожье, Кіевъ, Смоленскую и Сѣверскую земли! Если кто нибудь былъ подкупленъ, то конечно скорѣе польскіе, чѣмъ русскіе уполномоченные. Говорили, что онъ тайно благопріятствовалъ мѣстничеству, онъ, который по всѣмъ официальнымъ и частнымъ документамъ, былъ главнымъ двигателемъ соборнаго дѣянія! И на чемъ основывалось это обвиненіе? На томъ, что въ 1683 году было разрѣшено и потомъ подтверждено чрезъ нѣсколько лѣтъ заводить родословныя книги (68). Но еще царь Феодоръ, вслѣдъ же за сожженіемъ разрядовъ, позволилъ завести родословныя книги; да эти книги и теперь ведутся, да конечно смѣшно было сказать, что мѣстничество существуетъ въ настоящее время.

Любопытно бы было съ опредѣлительностію знать, до какой степени должно лечь на память Голицына единственное обвиненіе, въ которомъ оправдать его нельзя:—участіе въ переворотахъ, воз-

(67) Желябуж. 8 (Запис. Р. Люд.).

(68) Полное Собраніе Законовъ Т. II. № 1207, 1219.

ведшихъ царевну на ступени престола и потомъ въ замыслахъ ея противъ Петра? о послѣднихъ будемъ говорить ниже; что же касается до стрѣлецкаго мятежа, то Голицынъ былъ ему не чуждъ, это несомнѣнно; но почему же современники, такъ часто выступающіе имя Милославскаго, почти не упоминаютъ о Голицынѣ? Не потому ли, что сей послѣдній, не желая выказаться, только тайно руководилъ свою партію? Думаемъ, что отчасти такъ и дѣйствительно было. Но говоря дальше объ интригахъ царевны противъ Петра, которыя рѣшили ея паденія, мы увидимъ, что и здѣсь Голицынъ игралъ второстепенную роль, роль модератора, роль отрицательную; пылкая Софія хотѣла дѣйствовать рѣшительно, готова была на все отважиться, не отступала и предъ братоубійствомъ; Шакловитый готовъ былъ предупредить ея желанія: но Голицынъ удерживалъ, укрощалъ, отсовѣтывалъ. Припоминая, что этотъ же самый человѣкъ пожертвовалъ для государственной пользы выгодами, которыя представляло ему мѣстничество, что онъ продалъ одну изъ деревень своихъ для того, чтобы оказать помощь несчастнымъ жителямъ Чигирина, разореннымъ войною (69)—припоминая все это — не справедливѣе ли будетъ думать, что не одна осторожность, но природное отвращеніе отъ насилія, крутыхъ мѣръ и крови удерживали Голицына отъ слишкомъ дѣятельнаго участія какъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, такъ и въ замыслахъ противъ Петра? По нашимъ понятіямъ Голицынъ именно не имѣлъ той страстной энергіи, которая ставитъ ни во что преступленія, которая все сокрушаетъ для достиженія предположенной цѣли,—и это съ одной стороны спасаетъ его память отъ слишкомъ сильнаго участія въ обвиненіяхъ, лежащихъ на Милославскомъ, Шакловитомъ и Софіи, съ другой—дѣлало его мало способнымъ преодолѣть труды Крымскаго похода, быть вождемъ, полководцемъ — постъ, на которомъ рѣшительность и энергія нужны въ высшей степени. Голицынъ былъ великій умъ, умъ твердый и неуклонный, и изъ своего кабинета съ неослабною послѣдовательностію и постоянствомъ могъ стремиться къ административнымъ или политическимъ своимъ цѣлямъ; но своимъ словомъ или примѣромъ увлечь армію, господствовать надъ нею среди труда и опасностей, онъ не могъ, также, какъ не былъ онъ въ состоя-

(69) Опытъ Обзоръ Госуд. Санов. Терещенко.

ніи вести стрѣльцовъ въ Кремль или поднять руку на царственнаго отрока. По этому самому во время разгара страстей онъ незамѣтенъ, выставляются же на видъ пронырливость Милославскаго, слѣпая рѣшимость Шакловитаго: но когда волненіе утихаетъ, когда интриги и страсть уступаютъ мѣсто разуму, тогда выказывается Голицынъ и становится у кормила правленія рядомъ съ царевною, съ которою онъ одинъ по справедливости и долженъ дѣлить передъ судомъ исторіи и отвѣтственность и славу.

